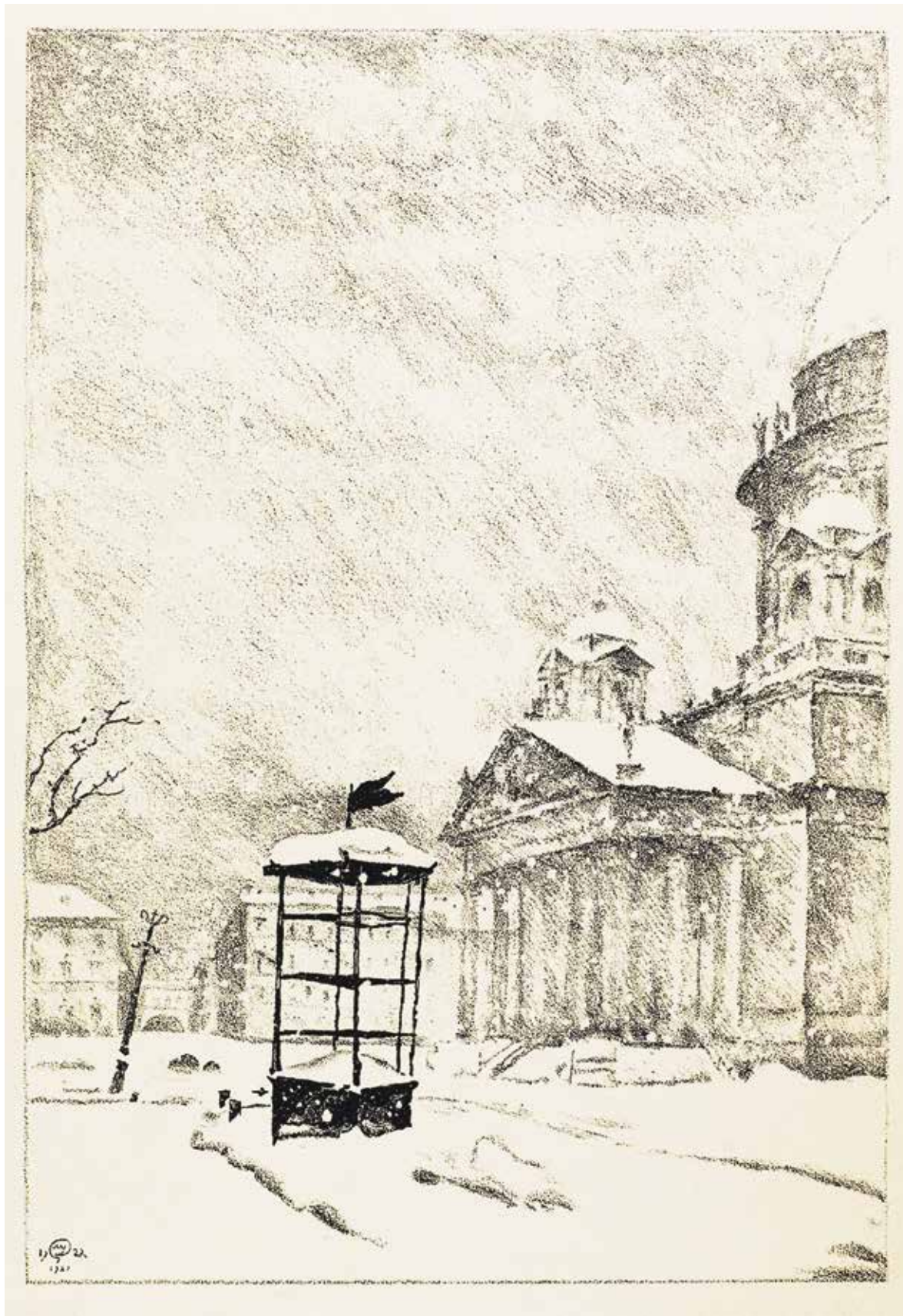

М.В. Добужинский. Исаакий в метель, 1923.

«МОЙ МИЛЫЙ МАЛЬЧИК...»

Письма Елены Антиповой
Виктору Ирецкому
(1922-1924)

Публикация, вступительная статья и комментарии
Нatalьи Масоликовой и Марины Сорокиной

Нatalья Масоликова.
Историк. Ведущий научный
сотрудник Дома русского
зарубежья.
Живет в Москве.

Марина Сорокина.
Историк. Зав. Отделом
истории русского зарубежья
Дома русского зарубежья.
Живет в Москве.

Эта очень петербургская история началась 31 декабря 1917 года – когда, несмотря на жесткую революционную турбулентность, еще мало кто догадывался и тем более осознавал, что новогодняя ночь навсегда разделит жизнь русской интеллигенции на «до» и «после». Не знали этого и наши герои, которых зимний карнавал, напротив, соединил на всю оставшуюся жизнь – не венчанные, все годы гражданской войны они были вместе, а когда в 1922 г. большевистская власть вышлет его из России, она будет сначала бороться за его возвращение, а затем последует за любимым в европейскую ссылку... Впрочем, тихое семейное счастье не стало их уделом... Но даже разведившись, они хранили верность друг другу как родители и близкие люди, оставаясь регулярными корреспондентами на протяжении пятнадцати лет.

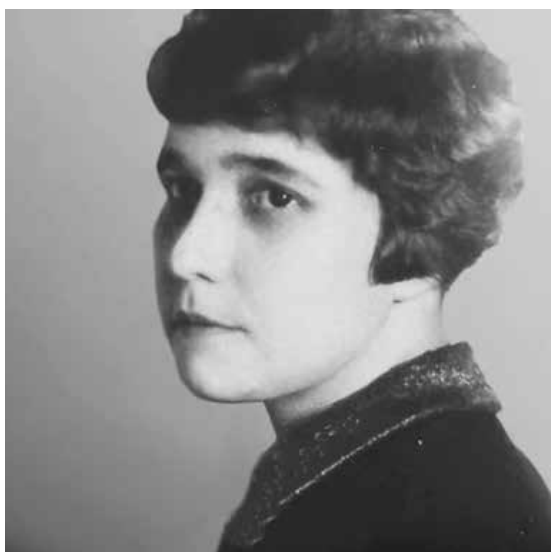
Он – уже известный петроградский журналист и многообещающий писатель Виктор Ирецкий (наст. фам. Гликман; 1882-1936). В ночь с 15 на 16 декабря 1922 г. на борту печально известного «философского парохода» «Preussen» он покинет Петроград и отправится в Германию.¹ Здесь Виктор Ирецкий напишет и опубликует несколько интересных романов, множество рассказов и пьес, но так и не добившись большого читательского успеха и признания, одиноко и нище закончит свои дни в чужом нацистском Берлине. Последний приют он найдет на православном кладбище Тегель, но даже здесь ему не найдется отдельного клочка земли и его прах захоронят в могиле Ю. Айхенвальда.

1. Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921-1923. М.: Русский путь, 2005. С. 242–244.

Елена Антипова. Фото из бразильского фильма "Entre mundos" («Между мирами. Жизнь и труд Елены Антиповой»), реж. Guilherme Reis, 2019.

Виктор Ирецкий. <Не ранее 1919 г.>. Centro de Documentação e Pesquisa Helena Antipoff. Ибирите, Бразилия.

Виктор Ирецкий. Наследники. Роман. Berlin, Polyglotte, 1928. Титульный лист с дарственной надписью автора: «Жене и сыну, которым свет моей полуночной лампы мешал спать. В. Ирецкий. 24.VII.1928 Berlin». Centro de Documentação e Pesquisa Helena Antipoff. Ибирите, Бразилия.

Она – тогда еще никому не известная выпускница Женевского университета, психолог Елена Антипова (1892-1974). Летом 1917 г. она вернулась в Россию искать пропавшего без вести на фронте Первой мировой отца, генерала-лейтенанта Русской императорской армии. В 1929 г. по рабочему контракту уедет из Европы в Бразилию – на несколько месяцев, окажется – навсегда. Станет выдающимся бразильским психологом и общественным деятелем,² а благодарные бразильцы поставят ей памятник.

Многолетняя перепица Елены Антиповой и Виктора Ирецкого, сохранившаяся в архивах России и Бразилии, – уникальный исторический документ и источник. Немного найдется других, которые бы отразили общественно-политическую, культурную и бытовую жизнь русской эмигрантской интеллигенции межвоенного периода на столь отдаленных «других берегах», одновременно в центрах и провинциях изгнания – в Петрограде/Ленинграде в 1922-1924, Женеве (Швейцария) в 1925–1929, Берлине (Германия) в 1923-1936 и Белу-Оризонте (Бразилия) в 1929-1936 годах.

Но в первую очередь этот эпистолярный диалог – своего рода роман, читающийся на одном дыхании, это личная сага – сага отношений любовных, мучительных и радостных, драматических и дружеских одновременно. Не венчанным и не зарегистрированным ни в каком ЗАГСе, Антиповой и Ирецкому так и не удалось устроить совместную жизнь, но и расстаться они никогда не смогли. Публикуемые ниже петроградские письма Елены Антиповой любимому – очень личные и очень частные – написаны в 1922-1924 г., когда она вместе с сыном, родившимся в 1919 г., оставалась в городе, вскоре перелицованном в Ленинград, а он уже был в Берлине, но оба все еще надеялись быть вместе.

Где именно произошло новогоднее 1917 года знакомство Антиповой и Ирецкого, пока неизвестно. Но, кажется, сама городская топография предопределила их встречу. Семья начальника Владимирского военного училища генерала В.В. Антипова жила в самом сердце города – на Знаменской, 23 (ныне ул. Восстания). Неподалеку, на Моховой, 27, располагалась знаменитая Таганцевская женская гимназия, которую окончила Е. Антипова,³ и здесь же, совсем рядом, на Бассейной (ныне ул. Некрасова, 11) находился Дом литераторов, одним из организаторов которого стал Виктор Ирецкий и где в первые пореволюционные годы своими «умелыми и любящими руками» (по выражению А.В. Амфитеатрова) он воссоздал прекрасную библиотеку, вместо печки согревавшую в пустеющем, голодном и холодном городе не только литераторов, но и многих интеллигентов.⁴

Деятельный участник различных писательских организаций в первые годы советской власти, Виктор Ирецкий неслучайно стал прототипом главного героя романа Дмитрия Быкова «Орфография» (2003). «Вечный чужак, полуеврей, всех станов не боец...»,⁵ из всей группы высылаемых в 1922 г. только он, по воспоминаниям Н.М. Волковьского, предвидел такую развязку противостояния с новой властью: «Но мы привыкли к экстравагантностям его оригинального и острого ума и относились к его пророчествам иронически. Какая там высылка из собственной родины! Бросьте говорить глупости! Виктор Яковлевич упорно возвращался к своей концепции, доказать которую он не мог, но которую со свойственным ему упрямством выдвигал каждый раз, когда в московской или петербургской печати появлялся очередной выпад против того или другого».⁶

В отличие от большинства коллег, арестованных ГПУ в сентябре 1922 г. и отправленных из России в ноябре, Ирецкий уехал на месяц позже. В последний момент он был оставлен в Петрограде: «Жена В.Я. Ирецкого добила отмены постановления об его высылке».⁷ Если бы так... Письмо Елены Антиповой в ГПУ сохранилось и ныне опубликовано – она всего-навсего просила отпустить арестованного на две недели домой «для сборов и прощания»,⁸ но даже с таким содержанием оно оказалось единственным, по крайней мере известным, письмом женского протеста против своеволия власти, и власть отступила...

Поселившийся в Берлине Виктор Ирецкий в историю русского зарубежья пока вписан минимально. Ему, автору «замечательных фантастических рассказов и нескольких романов, в которых чувствуется недюжинный талант в сочетании с несколько избыточным вкусом и тонкостью» (Дм. Быков),⁹ добавим – переведенных на иностранные языки, другу В.В. Набокова и В.Ф. Ходасевича,¹⁰ не нашлось места ни в одном из основных обзоров литературы русского зарубежья, ни в новейшей монографии, посвященной русско-еврейскому Берлину,¹¹ да и другие авторы не упоминают о нем. А в предисловии к описи архива писателя, хранящегося в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), составленной, правда, в 1989 г., утверждается, что «произведения Ирецкого не имеют большой художественной ценности, <...> это зеркало литературной деятельности и убогого быта не сумевших выдвинуться эмигрантов».

Справедливости ради отметим, что в самое последнее время, с появлением интереса к русской научно-фантастической литературе начала XX века, имя В. Ирецкого как одного из основоположников этого жанра стали вспоминать все чаще. Так, в серии «Антология эмигрантской фантастики», издаваемой, судя по выходным данным, в Нижнем Новгороде тиражом в 150-200 экземпляров, в 2018 г. переизданы его романы «Похитители огня» и «Наследники», а также несколько рассказов. И хотя большой и нарядный том сопровождается биографическим очерком, откровенно плагирующим уже опубликованные работы других авторов, все же для забытого и почти вычеркнутого из истории русского зарубежья писателя это знаковое событие.

В эмиграции судьба Виктора Ирецкого сложилась непросто. Окруженный множеством людей, имея дружеские привязанности, многочисленные интересы и начинания, по внутреннему состоянию он оставался одиночкой.

2. О Е.В. Антиповой см.: Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю. Русский апостол Бразилии: Елена Антипова, 1892–1974. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2018; Campos R.H.F. Helena Antipoff: psicóloga e educadora – uma biografia intelectual. Rio de Janeiro, 2012; Campos R.H.F. Helena Antipoff: A Quest for Democracy and Human Rights with the Help of Psychological Science // Pickren W., Dewsbury D., Wertheimer M. (Eds.) Portraits of Pioneers in Developmental Psychology. New York: Psychology Press, 2012. P. 51-66; и др.

3. В этой гимназии Е. Антипова обрела подруг, которые оставались с ней всю жизнь. И среди них – Лиза Пилленко (1891-1945), вскоре поэтесса Елизавета Кузьмина-Караваева, в эмиграции – мать Мария.

4. Амфитеатров А.В. Дом литераторов в Петрограде 1919-1921 годов / Публ. А.Г. Виноградова // Встречи с прошлым. Вып. 8. М.: Русская книга, 1996. С. 162.

5. Быков Д. Орфография. Опера в 3-х действиях. М.: Вагриус, 2003. С. 271.

6. Волковьский Н.М. 15-летие нашей высылки из СССР // Сегодня (Рига). 1937, 16 ноября.

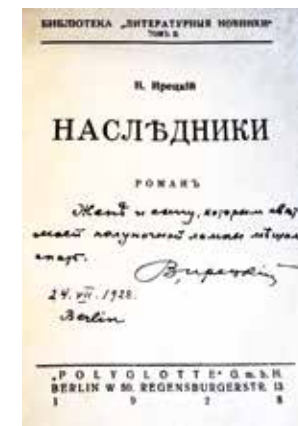
7. Там же.

8. Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921-1923. М.: Русский путь, 2005. С. 242-243; «Очистим Россию надолго...» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г. М.: Материк, 2008. С. 643.

9. Быков Д. Орфография. Опера в 3-х действиях. М.: Вагриус, 2003. С. 271.

10. Письма В.Ф. Ходасевича к В.Я. Ирецкому опубликованы К.В. Яковлевой в журнале «Новое литературное обозрение» (2008, № 2), а еще ранее «Воспоминания о Н.С. Гумилеве» В.Я. Ирецкого, подготовленные к изданию Н.В. Снытко, появились в: Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах. М., 1994. Т. I.

11. Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин (1920-1941). М.: НЛО, 2013.

Уже в 1927 г. писатель признавался в одном из писем: «Мне живется очень не важно. Главное – это тоска и скука. Одиноким я был всегда, но скучать я никогда не скучал. <...> Думаю о смерти. <...> В годы собачьей голодной жизни я чувствовал себя... лучше. Были просветы впереди. Были какие-то спортивные радости (вроде добыться дров для топлива). Сейчас – никаких просветов. И чем дальше, тем хуже. Нищенство и бесцельность. По инерции графоман пишет что-то тоже, но это никому не нужно. Новый роман тоже уже полгода как готов и валяется в углу, где сложены в кучу книги. Черен и тяжел эмигрантский хлеб. Грудь мачехи не дает молока».¹²

В то время Виктор Ирецкий еще имел возможность изменить ход событий в своей судьбе – Елена Антипова и любимый сын Данилка мечтали о воссоединении большой семьи, безжалостно разорванной войнами и революциями. «Приедет папа, вернетесь Вы, соберемся вместе... – мечтала Антипова в письме в Берлин в 1923 г. – будем ставить большой медный фамильный самовар и под его уютную песню вспоминать пережитое».¹³ Еще весной 1924 г. Елена Антипова не знала точно, куда поедет, – в Крым к отцу или к высланному Ирецкому, но после того, как всего за пару месяцев получила «научную командировку» в Германию, уехала с сыном в Берлин.¹⁴ В личном фонде В. Я. Ирецкого сохранился ее советский загра-

ничный паспорт, выданный 25 августа 1924 г. для «свободного проезда».¹⁵ Документ имел лишь одно ограничение – покинуть СССР надо было в течение месяца после его выдачи. Хотя Антипова пересекла границу в самый последний день этого срока, она вряд ли осознала, что уже никогда не увидит Россию.

Семейная жизнь в Берлине не получилась. Писательское «одиначество духа», вероятно, сказалось и в том, что Ирецкий не смог удержать рядом главную в его жизни женщину. В романе «Наследники» (1928) устами одного из героев он немного приоткрыл болевые точки этой личной драмы: «...первая твоя задача – это выбрать себе такую жену, которая как можно меньше изменит твою жизнь. <...> иначе она сама станет для тебя Гольфстримом и понесет тебя туда, куда ты вовсе и не думал идти. И сопротивляться ей будет трудно. <...> брось ее, отойди в сторону, как сделал это я».¹⁶ Если ничего не знать о необычной судьбе Елены Антиповой, потребовавшей от нее твердой воли, последовательности, решительности и решимости, то в публикуемых письмах ощутить этот женский «гольфстрим» вряд ли удастся... К любимому, отцу своего ребенка, она обращается почти всегда на «Вы», то с призывной игривостью, то с уважительным почтением, но всегда с позиции слабой женщины. Ах, как обманчивы бывают письма... Вот и у Виктора Ирецкого «бросить» не получилось и вся его берлинская

12. РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 110. Л. 19. Утверждение Дм. Быкова, что Ирецкому не хватало «чувства Родины», чтобы стать настоящим писателем, вряд ли справедливо.

13. РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 110. Л. 24.

14. Так определялась цель ее поездки в справке, выданной 7 июля 1924 г. начальником Антиповой. Документ сохранился в личном архиве

Е.В. Антиповой в Центре истории психологии и документации им. Е.В. Антиповой. Федеральный университет штата Минас Жерайс. Белу-Оризонте, Бразилия. Папка «Correspondencias Russas».

15. РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 343. Л. 1.

16. Ирецкий В.Я. Наследники. 1928. С. 271.

17. Ирецкий В.Я. Коварство и любовь. Берлин: Петрополис, 1936. С. 76.

18. К сожалению, ответные письма Виктора Ирецкого этого периода пока не обнаружены.

19. Образ эмиграции в письмах Антиповой этих лет совсем иной – женский,

образ надежды, встречи, веры в будущее для себя и сына, воссоединения семьи.

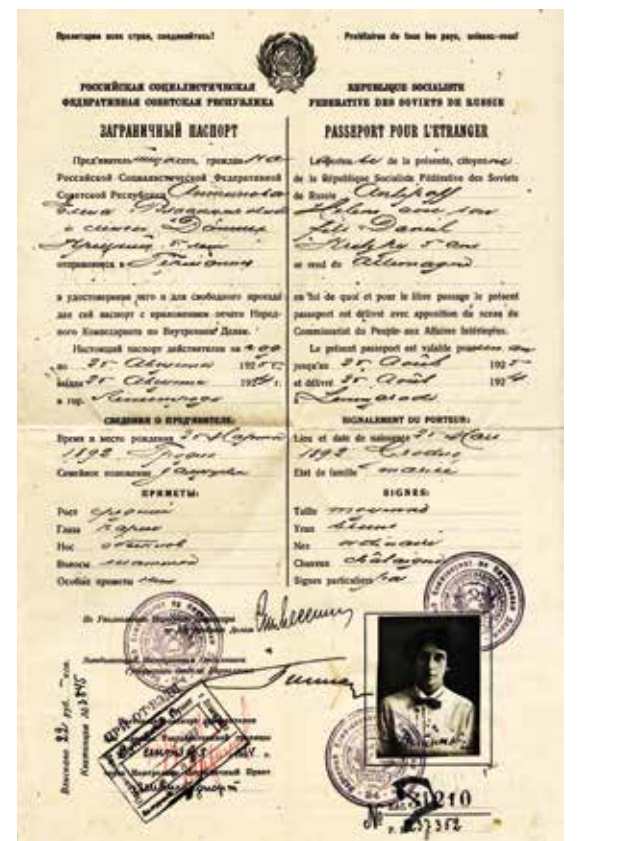
Выписка из Книги записей рождения Отдела ЗАГС 1-го Городского района г. Петрограда о рождении Даниила Ирецкого 31 марта 1919 года. РГПИЛ.

проза пронизана образом и биографическими чертами Елены Антиповой.

Несмотря на разрушенные личные отношения и географическую разобщенность, а уже к 1926 г. Антипова уехала в Швейцарию и служила в крупнейшем психолого-педагогическом центре исследований детства – Институте Жан-Жака Руссо в Женеве, она постоянно поддерживала Виктора Ирецкого и морально, и материально – ее письма и денежные переводы из всех точек мира регулярно приходили в Берлин. Но только в опубликованном в 1936 г. рассказе «Жена» писатель запоздало признал, что «жена думала беспрестанно, каждый день, каждый вечер – как бы подбодрить его, как внушить ему мысль, что он еще не выдохся и способен писать так же увлекательно, как прежде...»¹⁷ Увы, понимание бездарно упущенного шанса пришло слишком поздно...

После кончины В. Я. Ирецкого друзья передали его документальное наследие в Русский заграничный исторический архив в Праге и в его составе оно попало в Москву после окончания Второй мировой войны. Ирецкий тщательно хранил все письма Е.В. Антиповой и сына и собирал газетные заметки о них. Известно двадцать одно письмо Елены Владимировны из Петрограда/Ленинграда 1922–1924 годов, большинство из которых мы публикуем ниже.¹⁸

Предельно камерные, они сквозь казалось бы узкие семейные темы, прежде всего женскую и детскую, ярко рисуют образ Города в очередной переломный для него момент – в эпоху советизации, все более жестко и не-возвратно охватывавшей каждодневный быт, профессиональные занятия, личную жизнь и, наконец, сознание людей. Образ Петрограда в этих письмах – грубый, мужской – образ тяжелого быта, тоски по отцу, потери мужа и разлуки малолетнего сына с отцом, болезней ребенка. Если в письмах Елены Антиповой 1922 – начала 1923 годов еще сохранялась надежда на возвращение любимого и воссоединение всей семьи, то уже к середине 1923 года доминирующими нотами становятся печаль и раздражение. Ухудшение материального положения, понимание, что семью так быстро, как хотелось, не восстановить, проблемы со здоровьем и работой, которая перестает приносить удовлетворение, наконец, появление темы ревности, причем с обеих сторон, приводит к тому, что письма 1924 года – это уже тексты отчаяния и депрессии, ощущения, что человек стоит на пороге принятия решений, которые должны изменить ход его жизни...¹⁹

Свидетельство Е.В. Антиповой об окончании Таганцевской гимназии в СПб. 1910 г. Centro de Documentação e Pesquisa Helena Antipoff. Ибирите, Бразилия.

Заграничный паспорт Елены Антиповой, 1924. РГАЛИ.

Афиша
бразильского
фильма
"Entre
mundos",
2019.

Одновременно эти письма — дневник матери, драматичный и чувственный с житейской стороны, и весьма критичный и глубоко аналитичный, с другой, поскольку это еще и дневник матери — профессионального психолога.

Сын Антиповой и Ирецкого — Даниил, Доня, Доник (домашнее имя) родился в Петрограде 31 марта 1919 г., когда его отец был впервые арестован ВЧК и находился в заключении. Маленький Данилка был на волосок от смерти: «Бедненький мой дорогой, ты много плакал первые недели, — вспоминала позднее Елена Владимировна. — Твой маленький живот довольно сильно болел, и твоя мама не могла накормить тебя достаточно, с одной стороны, потому что у нее не было того, чем можно было тебя кормить (голод все еще свирепствовал в России), с другой стороны, потому что она не имела достаточного опыта в таких серьезных, важных вещах <...>. Я была совсем одна в то время <...>. Люди, которые тебя видели, таким маленьким и таким хилым, говорили, не скрываясь от меня, что ты не выживешь». ²⁰

Губернатор штата
Минас Жерайс
(Бразилия) вручает
Е.В. Антиповой награду.
Слева от нее сын —
Даниил Ирецкий.
Белу-Оризонте,
Бразилия. Конец 1960-х.
Centro de Documentação
e Pesquisa Helena
Antipoff. Ибирите,
Бразилия.

Благодаря материнской заботе, любви и преданности Доня выжил, а затем ценой долгой разлуки с родителями получил хорошее образование во французском колледже «Боваллон» (Beauvallon).²¹ Виктор Яковлевич очень болезненно переживал и вынужденную разлуку с сыном, и твердо претендовал на роль отца, пусть даже только «по переписке». «В твоих документах и в метрическом свидетельстве ты значишься как Daniel Iretzky и называть себя иначе ты не имеешь права», — выговаривал он мальчику, который нередко подписывался материнской фамилией.²² Но более всего старшего Ирецкого волновало будущее оторванного от родины сына: «Горек и ненадежен эмигрантский хлеб. Грудь мачехи не дает молока... Мой дорогой мальчик, неужели же ты или твои дети... будут таскать чужие клады и позабудут свою родину — могилы предков и алтарь богов?»²³

Несмотря на строгость и даже придирищность отца, сын отвечал ему горячей любовью и глубокой привязанностью; его письма и открытки «дорогому папану» 20-30-х годов полны чистого детского чувства: «Дорогой папочка! Мне жалко очень тебя. <...> Целую тебя крепко»; «Я очень скучаю без тебя»; «Когда же мы с тобой увидимся?»; «Я часто о тебе думаю. Твоя карточка на моем столе. Все говорят, что я на тебя очень похож»; «Целую тебя крепко в обе щежки, в носик и ушки, твой сын Дондон».²⁴ И это лишь малая часть мальчишечьей нежности, разлитой в написанных корявым детским почерком письмах.

Пребывая в последние годы жизни на грани творческого отчаяния, в уже враждебном к нему, русскому и еврею, Берлине, фактически в состоянии нищеты²⁵ и психологического одиночества, Виктор Ирецкий перенес свою усталость от жизни уходом в болезнь, в «чахоточные» мысли. Он скончался от туберкулеза в Берлине 16 ноября 1936 г., прожив всего 54 года.

Елена Антипова пережила его почти на сорок лет, но так никогда и не вышла замуж. В отличие от своей близкой гимназической подруги Лизы Пиленко (1891-1945) — матери Марии, избравшей путь христианского служения миру, Антипова своим главным инструментом его преобразования сделала образование и его институты. В Бразилии она основала множество образовательных центров самого различного уровня — от кафедр психологии в университетах штатов Минас-Жерайс и Рио-де-Жанейро до сети сельских учебных учреждений для детей с особыми потребностями, «исключительных» и «нестандартных».

Но главное — Елена Антипова сумела создать в городке Ибирите (недалеко от г. Белу-Оризонти) огромную светскую образовательную общину, открытую для всех типов человеческой нестандартности, — интегративный образовательный комплекс «Фазенда до Розарио». Там, в далекой Бразилии, оказалась реализована русская социальная утопия — мечта о таком лучшем, а главное, справедливом устройстве общества, при котором все его члены имеют равные возможности для своего развития и благоденствия.

Бразильцы высоко оценили заслуги Елены Владимировны — при жизни она была удостоена многих почетных званий и орденов. Сегодня в Бразилии действует образовательный фонд ее имени, ей поставлен памятник, именем Антиповой названа университетская кафедра, создан мемориальный музей.

Елена Владимировна Антипова скончалась в госпитале Св. Луки в Белу-Оризонти 9 августа 1974 года. В последний путь ее провожали тысячи людей во главе с губернатором штата Минас-Жерайс, заупокойное богослужение было проведено и в кафедральном соборе Рио-де-Жанейро.

Но в оживающем после гражданской войны советском Петрограде — Ленинграде 1922-1924 годов никто и представить не мог, какое будущее ожидает Виктора Ирецкого и Елену Антипову...

Обширные фрагменты писем Е.В. Антиповой В.Я. Ирецкому за 1924-1930 г. были опубликованы нами ранее,²⁶ а также цитировались в наших работах, посвященных психологу. Письма В.Я. Ирецкого Е.В. Антиповой за 1930-1936 г., хранящиеся в ее архиве в Бразилии (Centro de Documentação e Pesquisa Helena Antipoff, г. Ибирите), в 2019 г. изданы в 49-м томе «Stanford Slavic Studies», посвященном юбилею профессора Ф.Б. Полякова.

Оригиналы публикуемых писем Е.В. Антиповой хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве

в фонде В.Я. Ирецкого (№ 2227. Оп. 1. Д. 121). В дальнейшем в конце каждого письма указываются только номера листов из этого дела. Небольшие сокращения, сделанные в тексте писем, имеют сугубо бытовой характер.

20. Цит. по: «Энергичные, знающие интеллигенты — для них Бразилия и создана»: Из эпистолярного наследия психолога Елены Владимировны Антиповой / Пред., сост., подг. текста и комм. Н.Ю. Масоликовой // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010. С. 384.

21. Основан подругой матери Маргарит Субейран (1894–1980) и известен новаторской программой образования. В годы Второй мировой войны здесь скрывали еврейских детей. В дальнейшем Даниил жил рядом с матерью, в Бразилии, работая психологом, и скончался в 2005 г.

22. РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 103. Л. 1.

23. РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 41. Л. 5-6.

24. РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 145. Л. 5, 31-31 об., 48 об.

25. Из письма В.Я. Ирецкого: «Между нами скажу Вам (только между нами), я очень часто не имею на обед» (РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 110. Л. 20).

26. См.: «Энергичные, знающие интеллигенты — для них Бразилия и создана». С. 363-384.

Памятник Елене Антиповой в Ибирите, штат Минас-Жерайс, Бразилия.

Елена Антипова.
Кадр из фильма "Entre mundos".

Виктор Ирецкий.
Рисунок
Александра Арнштама, 1924.

12 часов ночи. 31 декабря 1922, <Петроград>

Дорогой Виктор Яковлевич,
вчера получила Ваше письмо, которое шло десять дней. Конверт его носит следы длинных путешествий по различным почтовым отделениям Петрограда и Москвы, счетом до семи. Еще до Вашего письма через Ольгу Николаевну мы имели о Вас сведения, которые давали понять, что Вы как будто бы уже хорошо устроились. Написано ли было Ваше письмо раньше или же просто писали оптимисты без достаточных оснований, не знаем. Пишите о себе поподробнее, особенно вначале, чтобы яснее себе представить Ваш антураж (произнесите по-французски), тогда уже легче следовать за дальнейшей Вашей жизнью. Что за комната, что за квартирная хозяйка, что за улица и т.д.

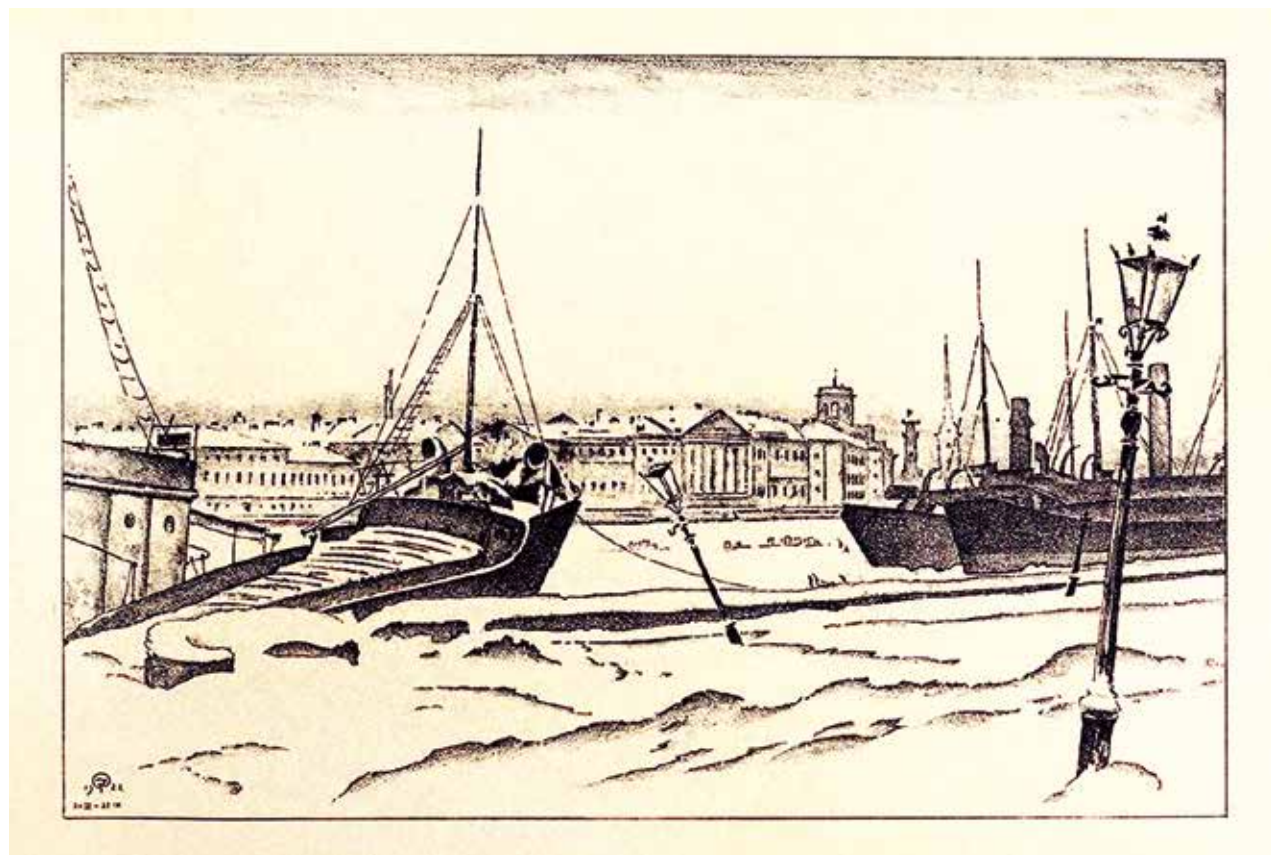
Без Вас стало, после всех перипетий, как будто спокойнее, но зато и скучнее. Часто о Вас вспоминает Доник: «Что же папа не приходит» – спрашивает он недовольным тоном: «Папу надо». Appetit все еще плохой. Собрались было к доктору с Ольгой Степановной,¹ да оказалось, что детей он не принимает, пришлось отложить посещение на после праздников. Получила письмо от папы.² По-видимому, Вашего письма он не получил. Благодарит за приглашение и думает им воспользоваться, но не раньше весны, т.к. боится холодов. Приехать ко мне на Пункт³ не хочет – боится меня стеснить, поэтому к весне просит меня пригласить ему комнату поблизости от моего жилья. Если бы я жила в квартире и предоставила ему в ней отдельную комнату, то папа рад бы был воспользоваться ею. Вот и не знаю, как быть. Предполагают, что служащих будут в будущем году из детских учреждений выселять (еще не скоро), вот мы и думали с Зинаидой Алексеевной,⁴ которая, кстати говоря, родила Доне товарища, подыскать исподволь небольшую квартирку, как бы тогда хорошо разрешился наш квартирный вопрос.

1. Ольга Степановна Семенова (р. 1888), близкая знакомая семьи Ирецих.

2. Генерал-лейтенант Владимир Васильевич Антипов (1862-1927) после 1917 г. жил в Крыму.

3. Центральный карантинно-распределительный детский пункт Наркомпроса занимался поддержкой детей-сирот, беспризорников и социально нуждающихся. Сначала располагался в гостинице «Европейская», затем – в помещении бывшего Императорского Александровского лицея на Каменно-островском проспекте.

4. С педагогом Зинаидой Алексеевной Лупповой Антипова подружилась во время пребывания в Вятке в 1919-1920 г. и затем продолжила это знакомство в Петрограде/Ленинграде. Они переписывались вплоть до 1936 г. включительно.

М.В. Добужинский. Литография из альбома «Петербург в 1921 году».

<...> АРУ⁵ получила. Вообще материально пока благополучно. На службе начинают как будто выплачивать аккуратнее и потому на расходы хватает пока.

Живется чрезвычайно тоскливо. Опять захлестывает меня волна почти безнадежной хандры, с которой бороться мне очень трудно – после работы ложусь и лежу без всякой мысли, пока не растормашит Данилка. Не знаю, исцелюсь ли от этой неврастении. Простите, что пишу невесело. Если бы Вы были здесь, мы бы сегодня отпраздновали с Вами пятилетие нашего союза: ровно пять лет назад мы с Вами познакомились. Ни Вы, ни я не могли предполагать, что знакомство наше будет так продолжительно и так чревато последствиями. Будем стараться о Вашем возвращении – если не надоедим друг другу, то, быть может, проживем вместе еще столько же. К старости наши характеры, может быть, сравняются и мы станем спокойнее смотреть на свои недостатки.

Дайте свой постоянный адрес или, может быть, № почтового отделения, где бы Вы могли получать до востребования. Доня пишет Вам письма, но его каракули я не решаюсь посылать.

Ну, дорогой, молчаливый тихий папочка, пишите о себе побольше. За теплое письмо спасибо – прочла его с радостью.

Целуем Вас крепенько. Доня и его мама.

Доня получил новые две книжки Чуковского – «Мойдодыр» и «Тараканище» – увлекается и цитирует наизусть. Жаль, что Вы его не слышите – произносит с необычайным пафосом.

Ой, как тоскливо.

С НОВЫМ ГОДОМ, С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!

Л. 1–2.

5. То есть посылку от American Relief Administration (ARA) – Американской администрации помощи Советской России и ее гражданам во время голода 1921-1923 г.

Доня (Даниил) Ирецкий.

7 января 1923, <Петроград>

Милый Виктор Яковлевич!

Простите, что пишу от руки – у меня сегодня ночуют гости (тетя Зина с сынишкой и моим крестником) и мне не хочется их беспокоить машинкой, так как теперь 2-й час ночи. Получила Ваше милое письмо от 27/XII, которое меня очень тронуло, а местами приятно удивило – об этом в конце. Рада за Вас, что обстоятельства складываются у Вас в Берлине не слишком сурово и Вы сможете действительно отдохнуть и восстановить свое физическое и душевное здоровье. Надеюсь, что к маю месяцу это будет достигнуто, а тем временем мы здесь выхлопочем Вам приглашение вернуться к своим Пенатам.

Что до нас, то живем мы помаленьку. Перемен никаких существенных не произошло, жизнь течет медленно, однообразным течением. Рождественские елки несколько оживили ее и, по крайней мере, Доне принесли новые впечатления. Сегодня – первый день Рождества – Доня был на елке в детском саду – глазки его так и сверкали, глядя на огоньки свечей – отличился в танцах – в паре с Татей Ивановой очень изящно кричал под музыку «Китайночка», чем заслужил аплодисменты и просьбу повторить номер. Вечером был у Славы на елке – восторженно следил за бенгальским огнем – наконец, и ему была дана свечка-фейерверк, с которой он в упоении бегал по комнате. Завтра приглашают нас к Мандельштам⁶. Завезу его к Ольге Степановне, которая его и поведет к ним (не могу все побороть свою «дичливость» и к тому же нет для званого вечера костюма). Вскоре после Вашего отъезда купила Доне славный пароходик (деревянный, массивный, с большими трубами, высокими мачтами, флагами, каютами, палубами и т.д., словом, Preussen да и только, который Доня окрестил компресс (по созвучию). В нем он катает свою и Вашу карточку и развозит по разным станциям – Березайка, Попово, Петушки и т.д. Здоровьице его ничего, но аппетит продолжает желать другого. Очень трогателен он в отношении к малышу Зинаиды Алексеевны – называет его нежнейшими именами:

Детские книжки К. Чуковского, упоминаемые в письмах Е. Антиповой.

«ребеночек», «сыночек», а чаще всего «братишка». Целует его, дарит ему свои кубики, конфеты, строит планы на будущее, когда Андрюшенька будет такой же большой, как он.

О Вас Доня вспоминает по детски-утилитарно: папа привезет мне «весипед», книжечку с картинками; кстати, многие места из «Крокодила» цитирует большими отрывками – «и тебя, кровожадную гадину, изрубило как говядину» (все это переплетает с цитатами из других сказок и рассказов и пережитого и получается с помощью Чуковского такая галиматья, что уши распухают слушать). Очень ждет теперь он вновь избранных роликов, на которых собирается шибко поехать и зацепиться на ходу за трамвай.

АРУ получила. Ваша однофамилица из Америки, трогательно выражая Вам свои дружеские чувства, посылает Вашей семье (т. е. нам) посылку и обещает высылать и впредь (одну в месяц) независимо от того, будут ли ей высланы книги или нет. Поблагодарите ее от моего имени... В квартире у меня тепло. Зимы у нас тоже почти нет.

В прошлые две недели сплошь стояла оттепель, обещают морозы на конец зимы. Почему Вы не прислали своей карточки немецкой – очень занятно было бы на Вас поглядеть. Купили ли себе новую шляпу – вопрос очень нас тут интересует, и приобретение которой составляет дату в Вашей истории. Простите, что пишу нескладно – очень устала. Очень Вы меня удивили своими «любимыми местами». Я и не предполагала, что таковые у Вас имелись. Не спутали ли Вы с какими-нибудь другими? Нежно целуем Вас. Доня и его мама.

Л. 3–4 об.

6. Семья гистолога, сотрудника Психоневрологического института Максимилиана Эмилевича Мандельштама (р. 1896), брат поэта О.Э. Мандельштама.

Елена Антипова.
Кадр из фильма "Entre mundos".

26 февраля <1923, Петроград>

Дорогой Виктор Яковлевич,

Милый мой, да как Вам не стыдно не писать столько времени, чем же Вы так заняты, что не находите минутки, чтобы черкнуть несколько строчек, сказать о том, что о нас Вы думаете, рассказать о себе, о своем здоровье, своем самочувствии, своих думах и намерениях. Каждый день с тоской запускаешь руку в пустой почтовый ящик – нет и нет писем. Ай-ай-ай, не хорошо, дорогой. Я не писала Вам часто по многим причинам: 1) на душе коты царапают; 2) в Пункте творится опять невозможное; 3) работы накопилась уйма; 4) усталость и сонливость, с которой едва могу совладать уже в 10 часов; 5) пустой, увы, карман – потеряла и на этот раз, кажется, окончательно, свой черный портфельчик с месячной получкой. На необходимые расходы вроде молока Доне достаю в долг у добрых людей, но только на самое насущное. А письма Вы ведь, наверное, часто из России получаете, из них о Доне Вам, наверное, пишут, беспокоиться Вам нет оснований – вот и не пишешь. Простите, если не так. С квартирой обстоит пока все благополучно. Плату вносим аккуратно, за февраль внесли 25 миллионов, что на четверых большой суммы не составляет. За электричество – тоже, хотя пришлось опять платить изрядно.

Данилушка как будто стал лучше есть после того, как начала ему давать железо. Очень много о Вас говорит и вспоминает. Каждое Божье утро, когда я отправляюсь за кипятком, просит меня принести ему «от папы письмо». Не знаю, отчего у него создалась такая ассоциация. Из Вятки⁷ прислали мне мою большую корзину, которую я там оставила. Для Дони с Витей она служит гигантским кораблем, куда они забираются со всеми своими пожитками и зверями и обычно отправляются прямо к Вам в Берлин. Доезжают или нет, Вам лучше знать. Путешествуют они обычно целыми вечерами. Доня почему-то всегда норовит быть «главным», против чего мне приходится бороться, выпроваживая на менее ответственное место. Затеяли они новую игру – пугать друг друга всякими страхами: вытаращенными на лоб глазами Доня рассказывает про какую-то обезьяну. Оба испуганно озираются и дером бежать ко мне. Витя Доне усиленно что-то сообщает про покойников. Но это пока выше понимания малыша и он особенных страхов, кажется, не испытывает. Очень у них это выходит занятно, если бы это не имело и вредных сторон. Сейчас 3 часа ночи и Дон спит крепким спокойным сном. Завтра он Вам «накемдует» (продиктует) письмо.

Получила от папы письмо. Предлагает мне взять летом продолжительный отпуск и поехать с Доней к папе в Крым, чтобы 2–3 месяца провести вместе в Евпатории, на грязях, а потом всем возвратиться в Петроград. Очень заманчивая мысль, так как Доню этим летом необходимо будет хорошенько прогреть – хронические насморки и бронхит ничего хорошего не предвещают и бороться с ними энергично необходимо. В Евпатории у меня живет двоюродная сестра, которая заблаговременно подыщет квартиру и молочницу, и когда все будет готово, папа меня известит. Что Вы на это скажете?

Как же теперь дело обстоит с Вами? Приезжаете ли Вы или нет, предприняли ли Вы какие-нибудь к этому шаги? На днях написала Абраму Марковичу,⁸ прося его осведомить меня о ходе. Если ответа благоприятного не последует, придется, вероятно, на Пасху ехать снова в Москву.

<...>

Сегодня с Вами попрощаюсь – четвертый час ночи. Ну, что – если бы Вы были здесь, мы с Вами сейчас сделали. Не знаете? Нелли.⁹

Л. 104–105.

7. Е.В. Антипова жила в Вятке (ныне г. Киров) с сыном с конца 1919 г. до начала 1921 г., спасаясь от голода и невзгод, царивших в северной столице.

8. Известный искусствовед, театровед, переводчик Абрам Маркович Эфрос (1888–1954) в 1918–1927 г. был влиятельным сотрудником Наркомпроса РСФСР.

9. Домашнее имя Е.В. Антиповой.

16 марта 1923, <Петроград>

Милый мой мальчик (простите за легкомысленное обращение, но другого, сейчас более подходящего, не нахожу).

Только что получила Ваше голубенькое, полное беспокойства письмецо и, несмотря на урочное время, не могу не сесть и тотчас Вам не написать, успокоить, заверить Вас, что все Ваши тревоги совсем, совсем напрасны. Что никого, никогошеньки я в свою комнату «не впустила», что посетители моей ставшей более уютной комнаты все только скучные деловые люди, приходящие ко мне по долгу службы – и что во мне нет сейчас ничего легкомысленного, чтобы сколько-нибудь манило ко мне людей. Наоборот, за последние 1,5–2 месяца жизнь для меня приобрела какой-то остро-желчный привкус – на лбу чувствую, все не расходятся морщины каких-то забот, ответственности и исканий выходов из трудных положений, которые жизнь ставит сейчас на каждом шагу.

Вы напрасно пишете, что мимо некоторых вопросов я прохожу молчанием и как бы игнорированием – нет, стараюсь отчитаться на каждый Вами поставленный вопрос. Мне очень тяжело сознавать, что Вы где-то там мучаетесь, тревожитесь и виной всего этого, хотя и невольно, являюсь я. Чтобы с Вас снять тяжесть каких-то потенциальных тревог – я Вам даю слово, что если что-нибудь и случится – в чем я сильно сомневаюсь – я Вам тотчас же честно отпишу. Ни умалчиванием, ни обманом я Ваше существование отравлять не буду.

Поэтому, дорогой мой, будьте спокойны – не прислушивайтесь ни к голосу Ваших предчувствий, не пытайтесь толковать Ваши беспокойные сны – а живите, не тужа – «на фронте все обстоит благополучно».

Если же неожиданно для меня и для всех окружающих появится откуда-нибудь «неприятель» – Вы будете об этом извещены тотчас же. Хорошо – согласны?

Дом на Знаменской, 23 (совр.: ул. Восстания), где жила семья Е. Антиповой.

А пока дайте мне слово, что расстраивать себя не будете и немедленно подадите заявление о своем желании возвратиться к нам – почему Вы с ним медлите? Вашу бумагу сейчас ждут – ответ тоже дадут люди, которым Ваша вся история известна. Пройдет время, люди сменятся и придется все начинать сызнова.

Бываете ли Вы в театрах, на диспутах – пишете, милый мой, обо всем. Обе рецензии Ваши читала – вторую послала Ольга Степ<ановна>, которая, кстати сказать, стала намного лучше выглядеть. Если «Пчелы» – лучшая Ваша вещь,¹⁰ то есть основа вообще верить в прогрессивную силу Вашего творчества – значит, можете написать еще что-нибудь получше.

<...>

Будьте покойны, и да отлетит от Вас напрасное подозрение – никакого зла я Вам не нанесу. Спите, баю-баюшки баю! Крепенько жму Ваши милые руки. Нелли.

Л. 5–6.

10. Имеется в виду повесть «Пчелы», написанная в 1921 г. и опубликованная в одноименном альманахе в Берлине в 1923 г. Содержит прямые аллюзии на семейную жизнь Ирецкого – главный герой рассказа Бромлей «приобрел клочок земли в Вятской губернии и ... поселился в усадьбе вместе с женой и двухлетним сыном».

8-9 апреля, Пасха <1923 Петроград>

Милый Виктор Яковлевич,

Ради Бога простите меня за долгое молчание, письмо Вам с Донеи мы уже написали давно, правда, очень бессодержательное, все хотелось еще добавить, рассказать что-нибудь поинтереснее, да так и не пришлось.

<...>

Ваше письмо поздравительное пришло дня за два до Дониного дня рождения – его я, конечно, оставила до 31-го. С вечера я Доне устроила праздничный столик, на котором расположила все подарки: Ваше письмо и картинки, гармонь (30 мил<лионов>!), о которой он мечтал все предшествующие дни после того, как на рынке слышал слепого певца с гармонью. Затем маленькая палитра с акварельными красками, кисточка, бенгальские свечи, горшок с примулами и тарелку со сладостями и новый костюмчик из материи, который привезла Мина. Что привлекло больше его внимание и вызвало восторг, не знаю, только проснувшись чуть ли не в 7 утра – дико воскликнул: «Чьи это цветы?» Тихо прослушал Ваше письмо и спросил «А где велосипед?». Потом целый день бегал с картинками и гармонью. В детском саду чуть не случилась история. Все приставали к нему, прося поиграть, но наш маленький эгоист никому не уступал, играя, а за ним вся ребячья толпа наступала, наступала, чуть ли не до рукопашной. «Форсил» своим костюмчиком и двумя рядами золотых пуговиц. В 4 часа пришли к нему маленькие гости – шуму и гаму не было конца, вечером пришла Ол<ьга> Степ<ановна> с целым ворохом игрушек «из Берлина» – самое главное, самый «гвоздь сезона» оказался автомобильчик с тремя куклами, с которыми Доня лег спать. Подаренную плитку шоколада (порядочную) съел в один присест и уже сонный. Автомобиль вытеснил гармонь и Ваш выбор оказался более удачным.

<...>

9 апреля

<...>

Относительно поездки на юг – знаю, что это очень дорого, но знаю тоже, что солнце Доне нужно как жизнь, потому что его бронхит хронический может легко перейти в более худшее, а лимфатическую систему тоже необходимо оздоровить – иначе плохо будет справляться в дальнейшем с заболеваниями. И потому, куда ехать, где искать это солнце, не у нас же в Петроградской губ., а именно где-нибудь на юге, в Крыму, хотя бы это стоило больших денег. Ведь если довести Донино состояние до ... – то денег придется ухлопать в 1000 раз больше, чтобы наладить его здоровье. Поэтому выход один, милый папаша и милая мамаша, деньги для поездки на юг надо найти. Поехать придется с начала июня по начало августа, вероятно. Что до жалования, то получаю я приблизительно 500–600 в месяц – но с выплатами за котел и детский сад на 100 меньше приблизительно. <...>

Беда в том, что я ужасно обносилась, что мне крайне необходимо весеннее пальто, так как ранее <оно> совсем обрызло, да и продралось. Вот если бы из Германии можно было бы получить драповое пальто, то было бы идеально, но, конечно, вряд ли возможно. Донику надо будет обувь покупать. Пальтишко его еще впору, и этот год он с ним обойдется.

Баржи с дровами. Петроград, 1922.

Целуем крепенько, Доня и его мама.

Простите за почерк – вижу, что ужасный и что половину письма не сможете прочесть, но почерком своим не владею, он является выразителем того душевного помраченного состояния, в котором сейчас пребываю. Целую, Нелли.

Л. 111–112 об.

<Не ранее 8–9 апреля 1923, Петроград>

Милый Виктор Яковлевич,

Простите меня, миленький, что опять прошу у Вас прощения за то же, дурное, с чего начинала и прошлое свое письмо.

<...>

О поездке в Крым: продолжаю, что солнце нам с Доней крайне необходимо. У Дони хронический бронхит и увеличен лимфатический аппарат, у меня, видимо, туберкулез легкого, т.к. больше месяца температура держится на 37, 37,2 – маленький ничтожный процесс, но, видимо, частный уже.

<...>

По папиным расчетам на 2 месяца с дорогой надо будет иметь миллиардов 8-10. Конечно, сумма громадная, и откуда ее взять? Но как поступить иначе, я не знаю, тем более, что папу необходимо вывести осенью сюда – очень жалуется на одиночество. Я совсем не знаю, как я эти деньги раздобуду, надеюсь на счастливый случай и на Ваши советы.

<...>

5. Относительно подарков – чтобы Вы ни прислали, скажу Вам пребольшое спасибо, особенно, если вещи будут для Дони. Просить же Вас прислать то, другое, третье, десятое, простите, не умею. Мне очень хочется и давно еще – иметь, например, перстень от Вас с темным камнем, ведь Вы же мне его не пришлете – а за все то, что Вы нам прислали – чулки, перчатки, вязаную кофту и что бы ни то ни было, очень буду благодарна и тронута за внимание.

6. Финансовые дела? Сколько жалованья получаю – не знаю – в этом месяце 700 миллионов, кажется, а сколько буду платить за квартиру, точно не могу сказать, так как берут за помещения, а особенно за ремонт и т. д. О прошлом же месяце Вам писала.

7. Хватает ли? – без экстренных издержек с тем, что получали от А.И. – хватает в обрез, как выйдет в будущем месяце – не знаю, так как хочу немного пообновиться.

8. Статья моя не готова¹¹ – причина? – голова моя бедная не варит, не журите, ради Бога. ...

Милый дорогой папочка, простите еще раз. Целую крепко. Иду спать. Нелли.

Л. 107–108 об.

11. Речь идет об одной из двух статей Е.В. Антиповой, опубликованных в СССР, см.: Е. Антипова > О психолого-педагогическом обследовании детей // Трудовая школа: Педагогический сборник. 1923. № 4/5. С. 86-94.

<Апрель–май 1923, Петроград>

Дорогой Виктор Яковлевич,

Вчерашнее Ваше письмо застало меня в постели: вот уже несколько дней, как плохо себя чувствую – ничего не болит, а температура скачет до 39-ти, доктор меня и уложил для наблюдения. Сегодня первый день нормальная t и с утра села Вам писать.

<...>

Выглядит Доня неплохо: по-прежнему весел, подвижен и изобретателен. Открыткам, которые приходят почти в каждом письме, но не абсолютно каждый день, Доник страшно радуется, показывает всему детскому саду, а затем затевает продолжительную и весьма сложную игру: на окне у него устроен постоянный театр, частью из кубиков, частью из Ваших открыток, которые таким образом служат декорацией – разные же фигурки и мелкие предметы – действующими лицами. Сам Доня преважно усаживается на свой стульчик и басом напевает, а чаще насвистывает как бы аккомпанемент. Затем фигуры переставляются, декорации меняются и лицедейство продолжается – так происходит изо дня в день в течение нескольких уже десятков дней.

<...>

... Очень меня огорчает Ваша хандра. Доник Вас не забыл и очень часто вспоминает; мое поведение не дает Вам никаких оснований тревожиться или быть недовольным: живу в такой строгости нравов, что могу служить образцом для самой строгой монашки.

<...>

Л. 96–97.

26 июня 1923, ночь. СПб.¹²

<...>

Что Вы думаете относительно осени? Серьезны ли Ваши намерения выписать к себе и нас? Получила сегодня письмо от папы. Он зовет нас с Доней перебраться на юг. Надо сказать, что погода в Петрограде омерзительная и если так будет продолжаться, то все мы и окружающие просто напросто сгинем. Относительно своего переезда в Германию дедушка смотрит пессимистически и уныло представляет себе свою одинокую старость. Кстати, писали ли Вы своей матери и имеете ли от нее письма?

12. Так в тексте.

19 сентября <1923, Петроград>

<...>

Ваши письма с приглашением меня несказанно удивляют. Откуда бы я не слышала отзывов о вашей тамошней жизни, все наперечет считают поездку делом не только рискованным, но определенно вредным, так как условия существования считаются чрезвычайно тяжелыми!

<...>

Не знаю, огорчила ли я Вас своим решением. Вы, пожалуй, так рассердитесь, что порвете навсегда с нами, это будет очень печально и совсем не так, как надо в данном случае. Болею за Вас душой, за все Ваши дразги, развинченные нервы и поседевшие виски. Может быть, мы и внесли некоторое равновесие в Вашу жизнь. Но Боже, Донино здоровье сейчас для меня выше всего, ни о чем другом я сейчас думать и не могу, слишком грозно представляется его будущее, если с 4 лет уже выстукивая его легкие, покачивают головой.

<...>

Елена Антипова. Кадр из фильма "Entre mundos".

Виктор Ирецкий.

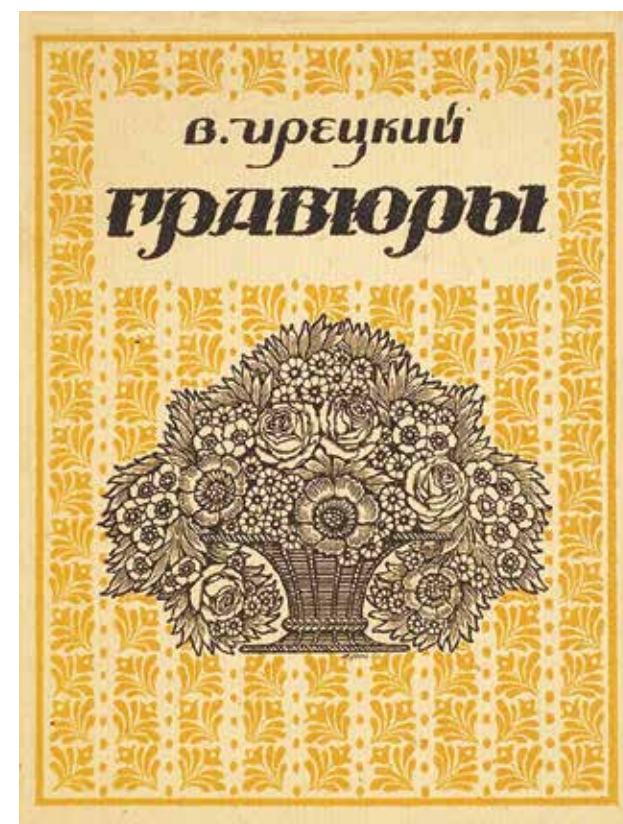
Собачья доля. Петербургский сборник рассказов
А. Ремизова, Е. Замяткина, Соколова-Микитова,
В. Ирецкого, В. Шишкова. Берлин, Слово. 1922.

Пчелы. Петербургский альманах. Пб.-Берлин,
Эпоха, 1923. (В. Ирецкий. Пчелы; Николай Никитин. Кол;
Николай Тихонов. Стихи; Вс. Иванов. Полая Арапия.)

Доник вот уже второй день все задает мне вопрос и страшно пытливо, весь преображенный ждет моего ответа: «Мама, ты будешь старенькой? Ма, ты умрешь? И папа будет старенький?» – «Да, Доник, все мы будем старенькими, а потом умрем!» – «На кладбище умры (!!!) (покойники) лежат, и ты там будешь?» – «Да, Доник». Доня в страшные слезы, а затем: «Я на тебя обиделся, потому ты сказала «что будешь старенькой и умрешь». Стараюсь все дни напугавшие его вещи обходить и больше на эту тему не разговаривать, иначе он может сильно разнервничаться. Вопрос же его и все последующие возникли у него как-то вдруг сами собой. Доник просит прислать ему поезд на картинке или взаправдашний. Будут деньги, обязательно сниму его. Целую папочку, дружочка милого. Скажите, что делать с книгами и кабинетом. В течение октября думаю ликвидировать обстановку и через Вас послать часть денег маме. Нелли.

Л.119–119об.

Ирецкий. Гравюры. Сб. рассказов.
Петербург, 1921. Обложка работы А.Н. Лео.

14 октября <1923, Петроград>

Милый друг!

Я все ждала более или менее спокойного состояния духа, чтобы ответить на Ваше письмо... Увы! – состояние моего духа ниже всякой критики: всякие там мысли и личные дела, и неудачи разные, и отсутствие денег и пр.

<...>

Так вот, последней каплей, переполнившей чашу, оказалась неудача с Мальбругом,¹³ сегодня выяснившаяся. Мы так тут на нее надеялись, так ждали вырешения вопроса с постановкой и чуть ли не заключения контракта и вдруг: она имеется на французском уже во 2-м (печатном, конечно) издании и в нескольких экземплярах при этом в Москве, о чем сегодня нам сообщил режиссер Камерного театра Таиров.¹⁴ По-видимому, Вы слишком доверились Вашему театральному бюро, а оно Вашу доверчивость обмануло и столько трудов пропало: перевод, переписка и еще переписка – я ведь в 5 экз. переписала на хорошей бумаге! Д-да.

<...>

Простите меня, дружок, за резкое письмо, но я не могу больше быть дурочкой в руках других. В самом деле, я не такая уж глупая, но эксплуатировать меня может всякий, кто не хочет позаботиться о себе сам. Даже Вы не щадите меня нисколько. Я абсолютно не понимаю, почему Вам не написать своим приятелям: Иерониму <Ясинскому>¹⁵, Борису Ильичу и пр., все было бы сделано гораздо легче и дешевле; наконец, Вы меня ставите в ложное положение, кот<орое> сейчас достаточно ясно я не могу Вам объяснить. Да и приятели эти с большим удовольствием сделали бы это для Вас, чем для меня, кот<орую> они не знают, т <ем> б<олее>, что их самолюбие Вашим отношением к ним, естественно, задето. Я уже не раз советовала Вам писать им лично.

Даниил Ирецкий-Антипофф. <Не ранее 1932 г.>. РГАЛИ.

Сегодня я видела Ясинск<ого> и спрашивала его о «Степане Разине», он – как журналист и по издательству – уверял меня, что другого «Ст<епана> Разина», кроме того, кот<орый> печатался сначала в «Былом» – 1 часть, потом в «Красной нови» – 2 часть, – не было, ни Чапыгина, ни Наживина¹⁶. Я еще буду производить разведки в этом направлении, а это сообщаю пока что.

Федин¹⁷ в отъезде и, по-видимому, к журналу «Печать и революция» отношения не имеет. Главное же в том, что я очень хорошо помню его отношение к одному рассказу, когда я просила его посодействовать в напечатании, т<ак> ч<то> по-моему это бесполезно.

Я очень хотела бы Вам разъяснить, что причиной некоторых неудач, вернее, неуспешности в хлопотах, но на этой почве у нас создадутся сейчас же недоразумения, а я этого не хочу. Я так надеялась на это лето, надеялась, что многое, весьма серьезное и весьма важное, удастся разъяснить, тогда легче было бы работать, а то я слишком издергала нервы показным спокойствием и показным благополучием. Очень устала от кривлянья, кот<орое> претит всей моей натуре.

С визой я ничего не понимаю. Я ведь только спрашивала, как скоро Вы можете это сделать, сами Вы мне писали, что это сейчас не нужно, по приезду Вы получили от меня письмо, где я писала о настоящем положении дела и о рождественских каникулах и вдруг – готово. Зачем? И в своем письме от 4-го Вы пишете «это сейчас не важно», а через несколько строчек, что все уже готово.

Будьте здоровы и не ругайте за это письмо. Ваша Е.

Л. 113–114 об.

13. По-видимому, речь идет о переводе пьесы «Мальбруг».

14. Александр Яковлевич Таиров (1885–1950).

15. Возможно, писатель, литературный критик и издатель Иероним Ясинский (1850–1931)

16. В 1924–1927 гг. в журналах «Былое» и «Красная новь» публиковался исторический роман Алексея Чапыгина «Степан Разин». Роман Ивана Наживина с одноименным названием появился в 1928 г.

17. Писатель Константин Федин (1892–1977).

20 ноября 1923, <Петроград>

Получила Ваши оба последних письма (от 11-го и 13-го). Письма мои редки, но они каждый раз соответствовали полученному от Вас – поэтому, если Вам хотелось иметь более частые, пеняйте на себя. Сегодня первый раз видела Ольгу Степановну – вот уже более недели, как она здесь, но все не пришлось ни видаться, ни переговорить с ней. Странное у меня к ней чувство – когда я ее не вижу, есть какое-то недоброе отношение, а увижу, оно сглаживается. За все многочисленные подарки – большое спасибо, не заслужили столько внимания. Одно плохо, что Доня получил несравненно меньше, что он тотчас же и заметил. Конечно, кушачек металлический, медальон пошли ему. В восторге оказался от подвязочек. Очень ему также понравились желтые, именно желтые сапожки. Все пришлось в меру, кроме платья, которое мне до колен приблизительно. Спасибо признательное еще раз. Очень неловко было читать, что из-за экономии Вы не ждете электричества – зачем же было столько посылать!

Ваши предыдущие 3-4 письма, т.е. написанные во время пребывания О<льги> С<тепановны> у Вас, так были коротки, редки и жидки, что один вид их приводил меня в тяжелое уныние.

<...>

Вещи сейчас чрезвычайно плохо продаются – вся эта осень очень неблагоприятной оказалась. За мамину шубу дают гроши, пятую часть ее стоимости – также дело обстоит и со всем другим. Так как я еду (куда бы то ни было) не сегодня и не завтра, то решила от квартиры не отказываться, а стараться ликвидировать помаленечку.

<...>

С отъездом на юг – дело усложняется тем, что квартирный вопрос там очень затруднен – пришлось бы жить в комнатах, в разных домах с дедушкой, а это было бы нехорошо. Бедного дедушку я взбаламутила, хотя писала очень осторожно в тоне информационном и рассчитывая на определенные условия, но их нет, по-видимому.

<...>

Гостиница «Европейская»
где в нач. 1920-х годов
располагался
центральный карантинно-
распределительный пункт
Наркомпроса.
Фото нач. 1930-х

Доник Вас не забывает, не проходит и полудня, чтобы Доник не заговорил о Вас. Очень Вам признательный, он Вам написал письмо, я записала его дословно, но послать неудобно, т.к. он очень сердится на «дядечек, которые держат папу и хочет с милиционером поехать за ним, дать папе денег (спросив их в нашей канцелярии) и привести папу». Растроганный подарками, он придумывал тоже и Вам подарки – хочет послать шляпу почему-то, гребешек и свою «питографию». Последнее исполняю. Часто вспоминает с хохотом, как Вы ему изображали торговки и япошек и т.д. Помните ли Вы? – Ну, дорогой, вчера столь нелюбимый, а сегодня, после письма Вашего такой близкий, бедный, далекий человек. Если бы мы друг друга любили, как бы все это было просто!

Л. 9–11.

Елена Антипова.
Кадр из фильма "Entre mundos".

Николай Ушин.
Городской пейзаж.
(Частное собрание.)

17 декабря 1923, <Петроград>

Почему пишете так редко – писали бы чаще, чаще бы получали письма – простите за каракули.

<...>

Помните ли, Вы клялись, что рано или поздно, а у Вас будет клочок земли, небольшая дачка, куда мы будем приезжать, Вы будете писать, Доня будет резвиться? А если бы себе поставить цель сколотить такой виноградничек или еще что-нибудь, где бы мы могли все отдохнуть и укрепить остаток своих сил на оставшееся нам здесь время. Ведь не оставлять же нам Доню сиротой – ибо печальна судьба сироты! А у него к тому же вкореняются привычки, требующие присутствия матери, отца – очень близкого человека – перед сном слушать сказки, засыпать под музыку. Наконец, он не только стал переносить мое пение и игру, но и стал настоятельно просить ему играть. Думаю, что будет музыкальным человеком, а Бог даст, может, и одарен будет даром божественным – стал просиживать за пианино полчаса, час и более, что-то подбирает мальчикам, при этом сам поет с придуманными им словами. В следующий раз пошлю Вам целую транскрипцию его музыкально-литературно-вокального произведения. Много рисует, завел себе тетрадь для рисования, рисует преимущественно поезда, пароходы и еще больше выписывает ряды букв, какие знает; а знает уже почти весь алфавит. Очень привлекают его вывески на улицах – еще немного и будет читать, с чтением не тороплю; боюсь, чтобы не получился у него запой чтением, как у моей сестренки, которую с пяти лет нельзя было оторвать от книги. Знает номера всех окружающих трамваев, издали узнает огни каждого.

Вообще мальчишечка толковый. На лету схватывает и немало дурного, например, под влиянием окружающих его приютских детей (в саду) – часто вместо «да» говорит «факт», а то вдруг споеет такую песенку: «Я вчера играл в лото, проиграл свое пальто, пару брюк и два кольца, лям да дринца, лямца-ца!». Мама в ужасе останавливает, послушный Доня прекращает эту песню и затягивает другое: «Я тебя люблю, дров тебе купила – а дрова-то все осина, не горят без керосина» и т.д. и т.д. Подхватывает быстро, услышав на улице, в саду и повторяет, как попугай. Достала ему «гусельки» и поем про комариков, лягушек, слонов, пауков и т.д., словом, на более подходящие подростку темы.

<...>

Л. 13–14.

21 декабря <1923, Петроград>

С праздниками!

Милый мальчик, от Вашего письма сжалось у меня сердце. Как же Вам, бедненькому, тяжело и тоскливо!

<...>

Вот Вам два урока: во-первых, полечиться и вылечиться, а затем заработать нечто, которое позволило бы нам спокойно прожить – не полгода, так 3 месяца хотя бы. А то представьте такую перспективу – мы приедем, а Вы будете, как вол, опять гоняться, никогда Вас дома не будет, обеды, дожидаясь Вас, будут стынуть, вид у Вас будет всегда озабоченным, всегда куда-то стремящийся, убегающий. Ну, словом, картина известная и не заманчивая. Значит, нужна некоторая материальная обеспеченность, которая может настать только после того, как здоровье будет Ваше совсем восстановлено и укреплено. ...

<...>

Доню приучаю к крестному знамени, причем вместо «во имя отца и сына и св. духа» говорит: «Дай бог, чтобы я был умным (голова), добрым (сердце) и сильным (плечи)». С таким же значением держу над Вами крепкое знамя, да хранит нас бог. А кроме того, нежно держу Вас за руки и крепко прижимаюсь к Вам всем телом. О Вас с Доней говорим раз 20 в день, по каждому поводу: «Папа будет недоволен; Это папочка сказал, сделал и т.д.». До свидания.

Л. 64–66.

<3–10 января 1924, Петроград>¹⁸

Наконец, дорогой мой, получила от Вас письмо. Почему так редко пишете, писали бы чаще, чаще бы получали и ответы. Может быть, не надо?

Сейчас очень занята: у нас идет съезд по психоневрологии и другим смежным вопросам¹⁹, которые близко подходят к содержанию моей работы. Узнаешь кое-что новое, обмен мнений между умными людьми, выступающими на съезде, и их горячие споры служат той благотворной ванной, в которую окунаешь свой мозг и впитываешь в себя кое-что, что, несомненно, расширяет горизонт.

<...>

Перерыв. Говорит Доник. «А сегодня я получил книжку с вырезками. Она очень такая-то – надо вырезать, а тут написано!»; «У меня есть мальчик Федя, я попрошу его нарисовать собачку, маво матросика и папе моему послать в Берлин»; «Очень хороший пистолетик! У меня есть деньги и могу на дорогу, но очень мало, нужно на маму платить и на маво матросика и Мишку. Федя нарисовал и Мишку, и все рисунки висят на стене»; «У меня есть азбука – коробочки спичечные, в каждой коробочке лежат какие-нибудь продукты и на каждой наклеена бумажка и написано что есть, например соль, нитки, какао, щенки, бобики, пауки, гвозди, блошки и я их всех умею читать, у меня их 36 штук. Если у тебя есть пустые коробочки от папирос или спичек, пришли мне, папа»; «Я был с мамой и с Федей и со мной в театре «Нузрителев» и там видел, когда были, барабаны и музыки, тогда дети плясали, называется соловей – один соловей игрушечный испортился, они позвали доктора, поставил ему градусник, потом трубку поставил и вынул, колесико оказывается, он не поправдашний. Когда он спал, черти к нему вылезли, нехорошие мордочки какие-то и после прилетает к нему Соловей поправдашний и тогда черти не приходили».

«Ко мне приходит учительница, я пишу треугольники разные, потом кружочек, надо мне краски, а у меня нет. Пришли мне скорее часы, а то я не знаю, сколько часов и когда мне надо спать. Мне, ведь, надо в 9 часов ложиться, а я не знаю, Вассана свои не дает, а мама свои все берет в группу смотреть. Ты мне скорей какие-нибудь открытки, папочка, потому что у меня целый альбом и все пустой, в конце есть пустое, ты хотел мне автономильчик прислать сюда. У нас есть щеночек, если у тебя есть горшочек для него, то пришли, а то он все на пол; Вассана все сердится на меня, она говорит, что я, ведь, его хозяин и мне надо это подбирать, а я не хочу. Детский сад наш кончился и ко мне приходила учительница, а теперь не приходит, она, наверное, больна – и вот она и пришла».

<...>

Л. 109–110 об.

18. Датируется по содержанию.

19. Второй всероссийский съезд по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии, на котором впервые выступил с докладом Л.С. Выготский.

Петербург. Один из флигелей Герценовского института.

<Между 10–30 января 1924, Петроград>²⁰

<...>

Доник диктовал сегодня Вам письмо, но оно вышло так нелепо, что, боюсь, цензура усмотрит в этом несвязном детском лепете что-нибудь вредное и не пропустит его к Вам. Дело в том, что Доня зарекомендовал себя как ярый коммунар. Смерть Ленина со всеми относящимися к этому событию торжествами и обрядами и разговорами – сильно повлияли на его 5-летний мозг. В его представлении – умер действительно какой-то герой, спаситель людей – почти со слезами на глазах через день после похорон он заявил, что поедет в Москву, выроет могилу, извлечет оттуда Ленина за руки и спасет его. То же проделает он с Петром Великим – и сведет их вместе – «пусть познакомятся оба царя». Похороны были настолько торжественны, что, думаю, они глубоко запали всем, и особенно на всю жизнь – малолетним. Перечитывая письма, которые дети моей группы писали из карантина своим родным и знакомым, каждый из писавших в те дни заканчивал как бы по уговору свое письмо следующими словами: «Ленин умер». Темой Дониных разговоров, его свободных песен и каких-то импровизированных монологов, которые у него частенько выливаются наружу – все Ленин, Ленин и Петр Великий (были с ним в Эрмитаже, где он видел гробницу и трон последнего). Вы спрашиваете про его характер – те черты, которые Вы перечисляли в своем письме (хитер, скрытен) – этого, конечно, нет. Ему ведь незачем замыкаться и искажать свое я. Доник пока очень правдив, откровенен,

20. Датируется по содержанию.

Елена Антипова
с сыном
Данилом вскоре
после приезда
в Берлин.
Кадр из фильма
"Entre mundos".

по-детски наивно чист душой. Бывает дерзким и даже с оттенком наглости. Любит добродушно схитрить, подшутить. Комическая жилка, понимание смешного у него, по-моему, развито в сильной мере. Эгоизм его, на мой взгляд, нормален для его лет; чувство жалости, сочувствие у него хорошо развито. Чужих слез, стона он не выносит и проявляет в таких случаях теплое участие. Хотя может проявить некоторую долю жестокости, но до тех пор, пока не заметит последствия своей агрессивности.

Серьезным недостатком вижу известную неустойчивость характера, настроения, а также способность быть грубым, наглым. А в общем, это очень приятный жизненный спутник, с тонкой психологией.

<...>

Доня иногда начинает Вас звать изо всех сил: «Папа, а папа, папочка!!!» Говорит, что Вы, ведь, должны же его услышать. Слышите ли Вы иногда его сыновний зов?

Целую оба. Пишите побольше. Мне сейчас трудно без поддержки моральной. Нелли.

PS. Пальтишко приобретите, пожалуйста, размером на 5–6 лет мальчугана. Для себя хочу вязаную кофточку (приличного цвета), простите за нескромность. Размеры моих вещей 46 (так, по крайней мере, достаточно было указывать в Париже).

Целую, дорогой, Вас женски. Нелли.

Л. 99–102.

30 января 1924, <Петроград/Ленинград>²¹

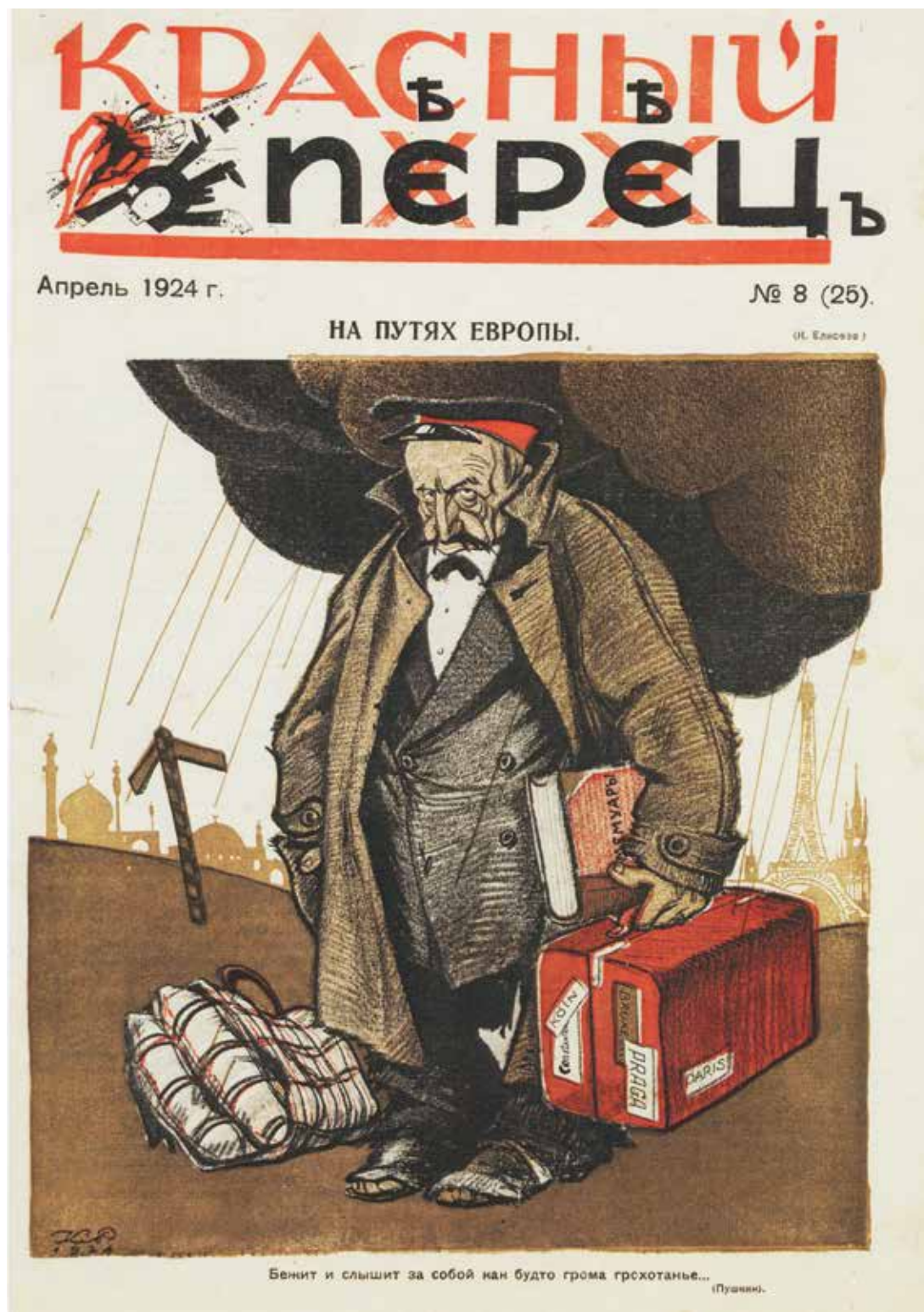
<...>

Получила письмо от папы. Пишет, между прочим, и советует, забыв его, ехать к Вам и ни на час больше не расставаться. «Счастливая старость вернее всего обеспечивается совместно перенесенными лишениями», а потом: «Живи больше умом, чем сердцем, и цепко держись семьей».

Целую, Нелли. Еще раз простите.

Л. 15–16об

21. Петроград был переименован в Ленинград 26 января 1924 г.

Карикатура на эмигранта нэповских времен.

<Не позднее 16 марта 1924, Ленинград>²²

Дружочек мой, весна сегодня!

После холодных, пронизывающих холодов и мокрого снега последних дней, с утра пасмурная погода разгулялась в самую что ни на есть весеннюю, и очень потянуло к Вам: хочется прижаться к вашему телу, пококетничать с Вами, потеревшись Вас — особенно, если Вы находитесь в важном, заботливо деловом настроении, а то тогда особенно хочется Вас растормошить, позлить немножечко, а потом все же добиться Вашей улыбки и безопасности.

<...>

Пишу коряво; хочется очень Вас видеть вот сейчас, сию минуту. Ну, чтобы Вам прийти сюда — сели бы в кресло «мамино», я бы уселась у Вас на коленях и стала бы Вам рассказывать всякую небылицу и был бы былаю. Ну, позвольте нежно-пренежно прижаться к Вам, влажными губами прикоснуться к Вашим и вобрать в себе разливающуюся по телу теплую волну.

Когда же Вы вернетесь? Когда же начинать хлопоты — не тогда ли, когда поседеют наши волосы, не поздно ли будет тогда?

Виктор Яковлевич, сейчас остро чувствую Ваше отсутствие и тоскую по Вам. Нелли.

Л. 106–106 об.

22. Датируется по содержанию.

27 апреля <1924, Ленинград>²³

С весенним праздником, с праздником Весны! (у нас снег во дворе!)

Дорогой мой далекий дружок,

<...>

Донюшка, благодаря Бога, здоров физически: немного нервничает, капризничает, как это у него тоже, увы, бывает периодически. Несколько раз на дню принимается плакать, не находя себе занятий, жаловался, что нет «приятелей», носился по коридорам и плохо слушался.

<...>

Что до моей деятельности, то с утра до вечера верчусь, как белка в колесе. Прибавились еще практические занятия по вечерам 3 раза в неделю (с 6–8), которые мне дали в апреле, увы, только полтора червонца лишних, но и они весьма необходимы, так как на прожитие, ух, как нужна лишняя копейка!

Работаю в Институте²⁴ пока внештатно, так как должность ассистента еще не утверждена окончательно. Дело в том, что кафедру психологии хотят совсем расформировать. Профессор, однако, обещает приложить все старания к моему утверждению. На днях высылаю в Орел статью об умственном здоровье детей, которое исследовала в 1921 г. в Сестрорецке.

<...>

Теперь о поездке: это наиболее Вас интересующий вопрос и наименее для меня ясный. Когда смогу взять отпуск, дадут ли командировку – совершенно еще не знаю. В смысле же подготовки дело идет вяло и не совсем по моей вине – книги выделили и отобрали, но за них дают такие ничтожные пустяки, что жаль с ними расставаться. Да и вообще это положение ничуть не разрешает. Все оставшиеся мамины вещи совершенно не ликвидируются, т. е. можно освободиться от них, отдав их просто даром кому-нибудь. Извлечь же из них пользу, как бы это было можно не теперь, а может быть, осенью, теперь почти никакой нельзя.

<...>

23. Датируется по содержанию.

24. Е.В. Антипова служила ассистентом при кафедре психологии Педагогического института им. Герцена.

Я чувствую, что Вы письмом не удовлетворены, особенно его концом. Не браните и не сердитесь – я, право, теряюсь сказать Вам сейчас что-либо определенное. И я целую Вас нежно, вкусно, длительно. Тоска по человеку опять такая острая, такая тягучая – когда же мы с Вами свидимся и заглядываю еще глубже, как мы с Вами сойдемся, не изменились ли мы каждый со своей стороны, за эти уже полтора года. Целую Вас еще раз очень нежно и очень длительно, прижавшись с Доником близко-близко к Вам. Боже мой, какая тоска! Прощайте. Нелли.

Л. 121–123.

Даниил Ирецкий с отцом в Берлине. Кадр из фильма "Entre mundos".

